

➔• ЛЮБИМЫЕ ПИСАТЕЛИ – ДЕТЯМ •➔

ФРЭНСИС БЁРНЕТТ

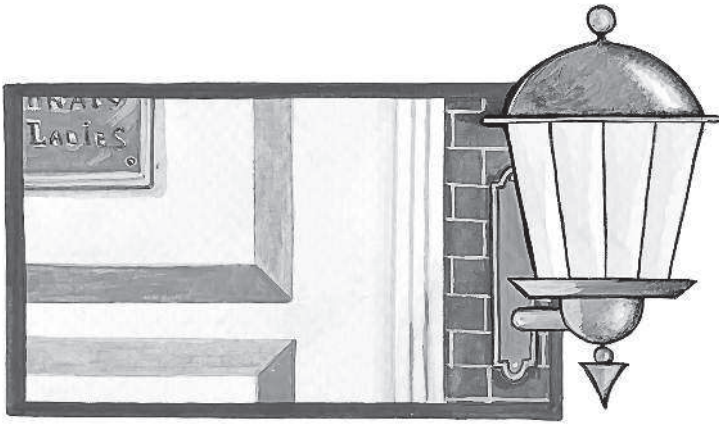
МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА

Иллюстрации Ю. Устиновой

«МАЛЫШ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ САРА

В ОДИН ИЗ ТЕХ ПАСМУРНЫХ ЗИМНИХ дней, когда над лондонскими улицами нависает такой густой, тяжёлый туман, что фонари зажигают с утра, а в магазинах горит газ, как-то вечером по улицам тихо ехал кэб, в котором сидела маленькая девочка со своим отцом.

Она сидела, поджав ноги и прислонившись к обнявшему её одной рукой отцу, и с каким-то недетски задумчивым выражением в своих больших глазах смотрела на прохожих.

Это выражение казалось совсем неподходящим к её маленькому личику. Странно было видеть его и на лице

одиннадцатилетней девочки, а Саре Кру было только семь лет.

Но дело в том, что Сара была непохожа на других детей. Она всегда думала и мечтала о чём-нибудь необыкновенном и всегда, насколько сама помнила, интересовалась взрослыми людьми и их жизнью. Ей казалось, что она живёт на свете уже много, много лет.

Сара только что приехала со своим отцом, капитаном Кру, из Бомбея в Лондон и теперь думала об этом путешествии.

Ей вспоминался большой корабль, ласкары*, тихо проходившие то туда, то сюда, дети, игравшие на залитой солнцем палубе, и жёны молодых офицеров, которые обычно старались заставить её разговориться, а потом смеялись над её словами.

Особенно странным казалось Саре то, что сначала она жила в жаркой Индии, затем очутилась среди океана, а теперь ехала в каком-то необыкновенном экипаже по необыкновенным улицам, где днём было так же темно, как ночью. Всё это было так удивительно, что она пододвинулась ещё ближе к отцу.

— Папа! — проговорила она тихо и таинственно, почти шёпотом. — Папа!

— Что, моя девочка? — спросил капитан Кру, глядя на её поднятое личико. — О чём ты думаешь?

— Это «то место», папа? — прошептала Сара, ещё крепче прижимаясь к отцу. — Да, папа?

— Да, моя крошка. Мы наконец доехали.

* Ласкары — здесь: индийские матросы.

И, несмотря на то, что Саре было только семь лет, она поняла, что ему тяжело говорить об этом.

Ей казалось, что папа её уже давно, много лет тому назад, начал подготавливать её к мысли об этом «месте», как она всегда называла его. Мать Сары умерла, когда она родилась, и потому девочка никогда не чувствовала, что ей недостаёт матери. Кроме молодого, красивого, богатого, доброго отца, у Сары, по-видимому, не было никаких родных. Они всегда играли вместе и горячо любили друг друга. Она знала, что её папа богат, только потому, что слуги говорили это, когда думали, что она не слышит их; говорили они также, что и она будет богата, когда вырастет. Сара не вполне ясно понимала, что значит богатство. Она всегда жила в прекрасном доме, где было много слуг, которые низко кланялись ей, называли её «мисси саиб» и позволяли ей делать всё, что угодно. У неё была аяя, няня-индуска, боготворившая её, и множество всевозможных игрушек. И она слышала, что это обыкновенно бывает у богатых людей. Вот всё, что она знала о богатстве.

Сара была вполне счастлива, и только мысль о «том месте», куда её когда-нибудь отвезут, несколько тревожила её. Климат Индии вреден для детей, и их при первой возможности увозят оттуда, чаще всего в Англию, в школу. Сара видела, как уезжали другие дети, и слышала, как потом их матери и отцы говорили о письмах, которые получали от них. Она знала, что ей тоже придётся уехать. Хоть иногда рассказы отца о путешествии и о новой стране интересовали её, она с ужасом думала о том, что ей придётся расстаться с ним.

— А не мог бы ты остаться в «том месте» со мною, папа? — спрашивала она, когда ей было пять лет. — Ты тоже поступил бы в школу, и я помогала бы тебе учить уроки.

— Ты недолго пробудешь там, моя крошка, — обыкновенно отвечал отец. — Я привезу тебя в красивый дом, где живёт много маленьких девочек; ты будешь играть с ними, а я стану присылать тебе много, много книг. И ты будешь расти так быстро, что не успеем мы оглянуться, как ты, совсем большая и образованная, уже вернёшься ухаживать за своим папой.

Сара любила думать об этом. Вести хозяйство отца, ездить с ним верхом, сидеть на первом месте за столом во время его званых обедов, разговаривать с ним и читать его книги — лучше она ничего не могла себе представить. И если для того, чтобы добиться своего счастья, нужно поехать в «то место», в Англию, то придётся решиться на это. Что там много маленьких девочек — это ей всё равно; но если у неё будет вдоволь книг, она как-нибудь проживёт. Сара любила книги больше всего другого и даже сама часто придумывала разные истории и рассказывала их себе самой. Иногда она рассказывала их отцу, которому они нравились так же, как ей.

— Ну что же, папа, — мягко проговорила Сара, — так как мы уже здесь, то, мне кажется, нам нужно примириться с этим.

Капитан засмеялся над такой странной в устах ребёнка фразой и поцеловал Сару. Сам он никак не мог примириться с этим. Его девочка была для него отличным товарищем, и он знал, каким одиноким почувствует он

себя, когда вернётся в свой дом в Индии и навстречу к нему не выбежит его маленькая Сара в белом платьице. И потому он нежно прижал её к себе, в то время как кэб свернул на площадь и остановился около большого дома.

Это было мрачное кирпичное здание, совершенно такое же, как и все соседние дома. На входной двери блестяла медная дощечка, на которой было выгравировано чёрными буквами:

«МИСС МИНЧИН.
ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ДЕВИЦ».

— Ну, вот мы и приехали, Сара, — сказал капитан Кру, стараясь говорить как можно веселее.

Он взял девочку на руки и поставил её около подъезда, а потом они взошли на ступеньки и позвонили. Впоследствии Саре часто приходило на ум, что дом этот удивительно похож на мисс Минчин. Он имел представительный вид и был хорошо меблирован, но вся его обстановка отличалась полным отсутствием красоты. Мебель в приёмной была жёсткая, полированная; даже румяные щёки луны, нарисованной на стоявших в углу больших часах, имели какой-то строгий, лакированный вид. В гостиной, куда привели Сару и её отца, лежал на полу ковёр, рисунок которого состоял из квадратов; стулья тоже были какие-то квадратные; в кресла, казалось, были вставлены необыкновенно твёрдые пружины, а на тяжёлом мраморном камине стояли, в виде украшения, тяжёлые мраморные часы.

Сара села на жёсткий стул красного дерева и быстро огляделась кругом.

— Мне здесь не нравится, папа, — сказала она. — Но что же делать? Ведь и военным, даже самым храбрым, наверное, не нравится идти на войну.

Капитан Кру расхохотался. Оригинальные замечания Сары всегда забавляли её весёлого, молодого отца, и он никогда не уставал слушать её.

— Ах, моя крошка! — сказал он. — Что я буду делать, когда никто не станет говорить мне таких торжественных фраз! Только ты одна умеешь говорить их.

— Но почему же ты смеёшься, слушая торжественные фразы? — спросила Сара.

— Потому что они выходят такие забавные, когда ты говоришь их, — ответил, снова засмеявшись, капитан. А потом он вдруг крепко обнял Сару и горячо поцеловал её. Теперь он уже не смеялся; казалось, напротив, как будто слёзы готовы брызнуть у него из глаз.

В эту минуту мисс Минчин вошла в комнату, и Сара тотчас же увидела, что она удивительно похожа на свой дом. Это была высокая, представительная, суровая и очень некрасивая женщина с большими холодными глазами и широкой холодной улыбкой. Увидав Сару и капитана Кру, она улыбнулась ещё шире. От дамы, которая рекомендовала капитану её школу, мисс Минчин получила очень приятные сведения о нём. Так она, между прочим, узнала, что он очень богат и не пожалеет никаких расходов для своей маленькой дочери.

— Взять на себя заботу о такой прелестной и способной девочке, — сказала мисс Минчин, взяв руку Сары

и глядя её, — будет для меня большой честью, капитан. Леди Мередит говорила мне о её необыкновенном уме. А способный ребёнок — настоящее сокровище для такой школы, как моя.

Сара стояла неподвижно, устремив глаза на мисс Минчин. Ей, как всегда, приходили в голову странные мысли.

«Зачем она говорит, что я прелестная девочка? — думала она. — Ведь это неправда. Вот Изабелла, дочь полковника Грэнджа, действительно очень красива. У неё розовые щёки с ямочками и длинные золотистые волосы. А у меня зелёные глаза, короткие чёрные волосы, и я такая худая. Что же тут красивого? Я, напротив, очень дурна, я безобразнее чуть ли не всех детей, каких мне случалось видеть. Значит, она лжёт».

Сара ошибалась, считая себя некрасивой. Она на самом деле несколько не походила на Изабеллу Грэндж, самую хорошенькую девочку в полку; но зато она обладала особой, своеобразной прелестью. Это была слишком высокая для своих лет, худенькая, стройная девочка с милым, энергичным личиком и густыми, почти чёрными волосами, которые слегка вились на концах. Большие зеленовато-серые глаза её с длинными чёрными ресницами были замечательно красивы, и цвет их нравился многим, хотя ей самой он казался отвратительным. Во всяком случае, Сара считала себя дурнушкой, и лесть мисс Минчин несколько не изменила её мнения о себе.

«Я бы солгала, если бы назвала её красавицей, — думала Сара, — и я знала бы, что лгу. Мне кажется, я в своём роде такая же безобразная, как она. Зачем же она сказала это?»

Когда Сара познакомилась с мисс Минчин поближе, она поняла, почему та сказала это. И она заметила, что мисс Минчин говорила то же самое каждому отцу и каждой матери, отдававших детей в её школу.

Сара стояла около отца и слушала, как он разговаривал с начальницей. Он решил отдать свою девочку в её школу, потому что две дочери леди Мередит учились здесь, а капитан Кру был очень высокого мнения о леди Мередит и вполне полагался на её опытность. Он желает, чтобы Сара, живя в школе, пользовалась всевозможными удобствами. Ей нужна хорошенькая спальня, отдельная гостиная, экипаж и пони и особая горничная вместо айи, няни, ходившей за ней в Индии.

— Ученье даётся ей легко, и относительно этого я несколько не беспокоюсь, — сказал капитан Кру, держа в своей руке руку Сары и похлопывая по ней. — Трудно будет, напротив, удерживать её от занятий, не давать ей учиться слишком много. Она постоянно сидит, уткнувши свой носик в книгу. Она не читает книги, мисс Минчин, а пожирает их, как будто она волк, а не маленькая девочка. И она никак не может насытиться. Ей нужны всё новые и новые книги, да ещё самые большие и толстые, и притом такие, которые пишутся для взрослых. А будут они французские, немецкие или английские, это ей решительно всё равно. Она любит читать всё — историю, биографии, стихи. Не давайте ей сидеть слишком много над книгами, мисс Минчин. Пусть она лучше покатается на пони или пойдёт гулять и купит себе новую куклу. Ей следовало бы побольше играть в куклы.

— Послушай, папа, — сказала Сара, — ведь если я буду через каждые несколько дней покупать себе новую куклу, то у меня будет их слишком много. Куклы должны быть близкими друзьями. Моим самым близким другом будет Эмили.

Капитан Кру взглянул на мисс Минчин; мисс Минчин взглянула на капитана Кру.

— Кто такая Эмили? — спросила она.

— Пусть вам скажет это сама Сара, — с улыбкой ответил капитан.

Зеленовато-серые глаза Сары глядели серьёзно и кротко.

— Это кукла, которой у меня ещё нет, — сказала она. — Папа обещал купить её. Мы пойдём за ней вместе. Я назвала её Эмили, и она будет моим другом, когда папа уедет. Она нужна мне, чтобы говорить с ней о нём.

Широкая улыбка мисс Минчин сделалась льстивой.

— Какой оригинальный ребёнок! — воскликнула она. — Какая милая маленькая девочка!

— Да, она милая маленькая девочка, — сказал капитан Кру, прижимая к себе Сару, — заботьтесь о ней лучше, мисс Минчин.

Сара пробыла с отцом несколько дней; она оставалась с ним до тех пор, пока он не отплыл назад, в Индию. Они ходили вместе по магазинам и покупали много всевозможных вещей для Сары — накупили их гораздо больше, чем нужно было ей. Капитан Кру был щедрый, непрактичный человек. Он покупал для своей дочери всё, что нравилось ей, и всё, что нравилось ему самому.

Таким образом, они выбрали вдвоём довольно странный гардероб, слишком роскошный для семилетней девочки. Тут были кружевные и вышитые платица и бархатные, обшитые дорогими мехами шляпы с большими нежными страусовыми перьями; кофточки на горностаевом меху и муфты; коробки с крошечными перчатками, платками и шёлковыми чулками. И всё это покупали они в таком громадном количестве, что молодые женщины, стоявшие за прилавком, с изумлением переглядывались. Они решили, что странная девочка с большими мечтательными глазами какая-нибудь иностранная принцесса — может быть, дочь индийского раджи.

Нелегко было капитану и Саре найти Эмили; долго пришлось им ходить по разным игрушечным магазинам и осматривать много кукол, прежде чем они отыскали её.

— Я хочу, чтобы она глядела на меня не так, как кукла, — сказала Сара. — Я хочу, чтобы мне казалось, будто она слушает меня, когда я говорю с ней. Куклы нехороши тем, что они как будто совсем не слушают, — задумчиво прибавила она, склонив голову набок.

Итак, капитан и Сара пересмотрели целую кучу кукол, больших и маленьких, с карими и голубыми глазами, с тёмными локонами и золотистыми косами, одетых и не одетых.

— Если Эмили будет не одета, — сказала Сара, — мы можем отвести её к портнихе, и та сошьёт ей все вещи. Они лучше будут сидеть на Эмили, потому что будут сшиты по мерке.

После множества неудач они решили, не заходя в магазины, осматривать сначала выставленных в окнах кукол.

Выйдя из кэба и сказав извозчику, чтобы он тихонько ехал за ними, они отправились на поиски. В двух или трёх ближайших магазинах не нашлось ничего подходящего. Они пошли дальше и приблизились к небольшой игрушечной лавке. Вдруг Сара остановилась и схватила за руку отца.

— О, папа! — воскликнула она. — Вот Эмили! — Щёки девочки вспыхнули, а в её зеленовато-серых глазах появилось такое выражение, как будто она увидела кого-нибудь близкого и любимого.

— Она ждёт нас, — продолжала Сара. — Пойдём к ней!

— Ах, Боже мой! — сказал капитан Кру. — Как же нам быть? С нами нет никого, кто бы представил нас ей.

— Ничего, — успокоила его Сара. — Ты представишь меня, а я представлю тебя. Но ведь я узнала её в ту же минуту, как увидела. Может быть, и она узнала меня.

Может быть, и узнала. По крайней мере, у неё был очень разумный вид, когда Сара взяла её на руки. Это была большая кукла, но не настолько большая, чтобы её неудобно было носить. У неё были вьющиеся тёмно-золотистые волосы и ясные голубовато-серые глаза с длинными густыми ресницами — настоящими ресницами, а не нарисованными.

— Да, это так, папа, — сказала Сара, посадив куклу на колени и глядя ей в лицо. — Это действительно Эмили.

Итак, Эмили купили, тотчас же отвезли в магазин, где продавались все принадлежности туалета для кукол,